

Н.В. Комлева

Вологодский государственный университет

САКРАЛЬНЫЙ И ИНФЕРНАЛЬНЫЙ СМЫСЛЫ В ПОЭТИКЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.И. БЕЛОВА

Творческая лаборатория В.И. Белова представляет собой уникальный ономастический текст, который создается поэтонимами, позволяющими писателю воплотить концепцию художественной реальности, изложить свои мировоззренческие, политические и духовно-нравственные постулаты. Приемы, которые использует автор при выборе имен своих персонажей и актуализации внутренней формы имени собственного, служат экспликацией основной идейно-тематической оппозиции его произведений: противопоставления не только сакрального и инфернального пространства и времени, но и *sacra* и *inferno* в проявлении духовной сущности человека.

В.И. Белов, имя в тексте, ономастический текст, отражение сакрального и инфернального начал в поэтике имен.

Русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской» прозы В.И. Белов был чрезвычайно честным, порядочным и трудолюбивым человеком, который, конечно, не мог не болеть душой о родной земле.

Раннее детство писателя прошло в 30-е годы XX века (коллективизация, раскулачивание), вырос в голодное время Великой Отечественной войны, дожил до распада СССР, страны, в которую верил, несмотря ни на что (был партийцем, депутатом, принимал активнейшее участие в политической жизни). Пережил «лихие» 90-е, деятельно на родной земле провел последнее десятилетие своей жизни – оно же первое десятилетие XXI века.

Во многих своих произведениях В.И. Белов пытается заставить читателя задуматься о последствиях разрушения основ русской деревни. Для него это равнозначно разрушению и основ национальной культуры. Многие исследователи прозы В.И. Белова говорят о продолжении писателем народно-православной традиции: «Православие формирует особую нравственность, диктуя писателю особую концепцию мира и человека» [8, с. 44].

Л.Г. Яцкевич, изучая использование различных форм крестьянской смеховой культуры в произведениях В.И. Белова, подчеркивала «одно значительное достижение писателя в области поэтики»: «В.И. Белов строит композицию своих повестей и трилогии “Час шестой”, несмотря на их реализм и историческую достоверность, в соответствии с библейскими и фольклорными формами изображения пространства и времени, в основе которых лежит, как известно, противопоставление **своего и чужого, сакрального и инфернального пространства и времени**» [14, с. 142].

В соответствии с этими принципами поэтики своих произведений создаются автором и имена для персонажей. Произведения В.И. Белова представляют собой ономастический текст – текст, в котором имена

собственные становятся «говорящими», наделяются писателем «правом голоса»: «В литературном пространстве, куда его <имя> вводит и всецело подчиняет собственному творческому замыслу писатель, имя “оживает”, вступает в отношения с другими элементами художественной ткани произведения, насыщается экспрессией и, превратившись в поэтоним, получает “право голоса”» [9, с. 257].

Необходимо изучение ономастического художественного пространства всех произведений В.И. Белова. Имена персонажей и в рамках одного произведения, и в масштабе всего творчества писателя образуют лексическую подсистему: они вступают друг с другом в различные системные отношения, осуществляя группировку персонажей по различным критериям; образуют семантические оппозиции. Системные связи внутри антропонимической подсистемы осуществляются за счет особой коннотации в субъектной организации произведения имен как главных, так и второстепенных персонажей. Главная оппозиция, которая подчиняет себе все другие группировки имен персонажей, может быть обозначена как *свои* и *чужие*. Свои – персонажи-носители представления о беловском «ладе», чужие – персонажи, которые своими поступками вносят хаос в сложившийся веками мир крестьянской общины, сеют разрушение и вокруг себя, и внутри себя, в своей душе.

Анализ имен производился нами в макротекстологическом направлении, то есть изучалась роль имени в ономастическом художественном пространстве всей трилогии В. Белова «Час шестой», а также некоторых других произведений писателя.

Целью работы является рассмотрение приемов именования в группах персонажей, которые могут быть выделены в художественном ономастическом пространстве произведений В.И. Белова. основополагающий критерий для классификации – соотношение сакрального и инфернального начал в характере ге-

роя, отношение героев к проявлению «бесовщины»: герои, обнаруживающие свою «бесовскую» суть, и герои, сражающиеся с «бесами», противостоящие им.

*Персонажи-носители сакрального начала,
объединенные одним мотивом*

Средством объединения имен персонажей разных произведений в одну группу, в том числе и средством когезии элементов на уровне всего текста, может явиться какой-нибудь устойчивый формально-содержательный компонент произведения, повторяющийся в идиостиле автора, например *мотив сна*. Героям из разных произведений и разных эпох снятся тревожные сны – предвестники надвигающихся бедствий. Главная боль писателя, не утихающая, наверное, ни на минуту в его сердце, – это боль от гибели на его глазах русской деревни, которую губили планомерно, начиная с 20-х годов XX века, добивали в 90-е и уже двухтысячные.

Дед *Никита*, старший в семействе Роговых, является последним носителем традиции, живет в трудах и молитве. Его мнение является главным во время принятия важных решений. В первом романе трилогии «Час шестый» «Кануны» *Никиту Рогова* и сына его Ивана, и других жителей деревни Шибанихи не покидает ощущение надвигающейся беды, но наиболее явственно это чувство проявляется именно у *Никиты Ивановича*. Ему снится тревожный сон, в котором появляются бесы: сначала они жалки и смешны, но становятся развязнее с каждой минутой: *Весь дом дрожал и шатался, они хозяйничали теперь везде, со свистом и хохотом, крушили все, что попадетя* [4, с. 383]. После разорения роговского «гнезда» и ареста сына старец *Никита* уходит жить далеко в лес в свой домик-келью, где молится во спасение душ людских. Внутренняя форма имени *Никита* от греч. *никетас* «победитель» [12, с. 249], он и побеждает «бесов» новой власти, не дает сломить свой дух и погибает, спасая *Павла Рогова*.

Бес является во сне и другому персонажу В.И. Белова в рассказе «Во саду при долине», написанном автором в 1999 году и отражающем время 90-х годов XX века: *Однажды в Вологде для всех неожиданно явилось рогатое существо с бесцветной мифистифельской бородачей. Большой лохматый козел на тоненьких ножках, не обращая на людей никакого внимания, неторопливо прошептал по улице Герцена. Полный дьявольского достоинства, он ступил на мост через Золотуху и смело, на красный свет, повернул вправо. Самосвал со скрежетом затормозил. Встречный троллейбус поспешно застопорил. Серое вонючее чудище пересекло улицу по каким-то своим козлиным правилам* [1, с. 468].

Наблюдающий эту картину с козлом на улице пенсионер *Степан Кенсаринович* предположил, что козел, вероятно, сбжал из передвижного цирка. Ночью *Степану Кенсариновичу* снится сон, от которого он пробуждается в тревоге: *Он пробудился не столько от холода, сколько от беспричинной тоски, похожей на предчувствие скорой предстоящей потери. Ему приснился поганый, хотя и не очень страшный сон. Тот самый козел, что маршировал по улице Герцена с*

последующим выходом на улицу Урицкого (нынешнее название «Козлѣнская»), стоял в глазах так четко, так явственно. Рогатый паршивец показал Кенсаринычу даже язык... Казалось, что Степан носом услышал козлиную вонь [1, с. 470].

Далее автор передает мысли героя по поводу своего сновидения: *Козел как-то сам по себе соединился в размышлениях то ли с Гайдаром, то ли с самим президентом. Кенсариныч мысленно обматерил того и другого:*

– *Козлы! До чего дошло, вымораживают пенсионеров, как тараканов... Лекарство в аптеке и то инвалидам не по карману. Одним банкирам, еще губернаторам по карману* (Там же, с. 471).

Если дед *Никита* согласно внутренней форме своего имени – победитель, духовно противостоящий бесам в лице «разгулявшихся» на селе представителей новой власти, то *Степан Кенсаринович* – цензор, человек говорящий об упадке нравов в современном ему обществе перестроечных времен. Имя *Кенсарин* < *Кенсорин* в переводе с латинского значит «цензор», «строгий» (в Древнем Риме – должностное лицо, осуществлявшее перепись граждан с указанием имущества, контроль над государственными финансами, надзор над нравами, общественным строительством) [12, с. 208].

Считаем, что если автор и не принимал во внимание этимологию имени *Кенсорин* при выборе отчества для своего персонажа (безусловно, внутренняя форма этого имени не столь очевидно обнаруживает онимно-апеллятивные связи в тексте по сравнению со значением имени *Никита*), то все равно и исследователь, и наблюдательный читатель может «прочитать» такое имя как некую подсказку для понимания замысла писателя.

Внутритекстовая речевая актуализация сем доантропонимического компонента в лексическом значении имени *Никита* и отчества *Кенсаринович* служит сигналом, отсылающим к ключевой текстовой оппозиции *сакрального и inferнального начал*: персонажи с такими именами способны чувствовать приближение катастрофы, наделены своеобразным даром «предвидения» в гораздо большей степени, чем все остальные персонажи. Катастрофа, разгул «бесовских» сил по сюжету трилогии «Час шестый» начинается с раскулачиванием самых трудолюбивых и талантливых крестьян, причем сами потерпевшие сначала никак не могут поверить, что все это происходит с ними *наяву*. Глумление «бесов» над крестьянской жизнью начинается в тридцатые годы, продолжается и в последующие десятилетия, с новой силой «возрождается в перестроечное время, в результате – кругом заросшие поля, порушенные фермы, брошенные деревни...» [14, с. 147].

*Персонажи, носящие имена или прозвища,
служащие намеками (аллюзиями) на преобладающее
духовное (или бездуховное) начало их носителей*

Сны обоих героев оказываются пророческими. Бесы скоро проявляют себя. Образы некоторых персонажей из разных произведений В.И. Белова обнаруживают явное сходство характеров, мировоззрения

и психотипов личности создаваемых героев. Их имена «намекают» на родство, близость этих персонажей друг другу по замыслу автора.

Уполномоченным от новой власти в деревне Шибанихе является *Игнаха Сопронов*. Это имя одного из первых «бесов», с которыми мы сталкиваемся на страницах романа «Кануны», открывающего трилогию «Час шестый». У Игната и его брата Сельки (Селиверста) местное прозвище – *соплюны*. Тот самый Селька, который *коноводил у мазуриков-недорослей, бросающих камни в окно храма, а великим постом... углем написал матюги на ограде, получает должность. Соплюны и голодранцы* – именно так называет местный «актив» шибановский старожил Савватей Климов: *Это с Селькой-то, соплюном, в ногу ступать?* [4, с. 453].

Зажиточные крестьяне, охарактеризованные новой властью как «кулацкий элемент», на самом деле были обычными сельскими тружениками. Тот же, кто власти был угоден и наделялся в новых обстоятельствах различными полномочиями, в прошлом был просто лентяем, разгильдяем, не умеющим вести хозяйство, содержать большую семью.

Данила Пачин недоумевает, как такое могло произойти: *«Да за что прижали-то? – Данило встал. – Я эту толчею восемь годов делал своими руками. Люди о празднике в гости, а Данило топорик в руки да на угол. Ладно, богаче людей не буду, нате, берите ее в коммуну! Так теперь-то за что меня из списков похерили? Рази я хуже хоть того же **Игнахи Сопронова**? Он вон, **Игнаха-то**, говорят, всю жизнь только и делал что матюги на воротах писал, а тут людьми командует»* (Там же, с. 152).

В трилогии «Час шестый» Игнат Сопронов – антагонист главного героя *Павла Рогова*. Павел умеет прощать, спасает Игнаху от гибели, но Игнаха постепенно все больше и больше утрачивает человеческий облик.

Художественный образ *Павла* даже на уровне моделей именования в тексте имеет развитие (*Пашка Пачин – Павел Рогов*), что является, безусловно, отражением личностного роста человека. *Игнат*, напротив, подвержен духовной деградации. Дед *Игнахи Павло Сопронов* занемог ногами, его семья жила бедно, а сын *Игнашка Сопронов* уродился и вырос злым и завистливым. Когда из центра поступают указания об обложении налогами зажиточных крестьян, *Игнаха* берет дело в свои руки и, опираясь на директиву Л. Кагановича, на поддержку партийного работника областного масштаба Меерсона, возглавляет соответствующую комиссию и облагает крестьян, своих же односельчан, налогами, заведомо непосильными.

С *Игнахой Сопроновым* соотносится другой персонаж В.И. Белова председатель сельисполкома тов. *Бессонов* из рассказа «Скакал казак» (1980).

В рассказе повествуется об одном дне бригадира колхоза *Гудкова Степана Михайловича* в трудное военное время. Задача, перед ним поставленная, – при невозможности выполнения задания (по плану хлебосдачи) выполнить его силами людей, у которых нет сил. Контроль за выполнением этого задания возложен на *Бессонова*, и у него нет причин для жалости. Этот колхоз не его родной дом, люди боятся его, у

него нет здесь человеческих отношений, нет той теплоты, с которой относятся односельчане друг к другу.

Именуя этого персонажа, автор использует прием «говорящей фамилии». Внутренняя форма фамилии *Бессонов* дает двоякое прочтение: 1) человек без сна; 2) бес. И то, и другое прочтение фамилии персонажа подкрепляется текстовой информацией. Фамилия принадлежит человеку, которому буквально не до сна. Он и сам не спит в горячую пору, и другим не дает. Все свои собрания устраивает по ночам, утром колхозники должны уже выполнять поставленные перед ними задачи. Кроме того, внутренняя форма фамилии явно говорит и об отражении «бесовской» сути этого человека в сознании жителей села, ср.: *Так или иначе Бессонова боялись все, от мала до велика. <...> налоги вышибал моментально. <...> Старухи пугали Бессоновым плачущих ребятшек. <...> Бессонов мог нагрянуть в любое время суток. <...> И быстро, быстро чиркал красным карандашом: «Бес, Бес, Бес...». Этот Бес был с красивым хвостиком, подпись внушала почтение* [2, с. 405].

«Говорящим» является и явное противопоставление моделей именования двух главных персонажей: *Бессонов* ни разу не назван по имени и отчеству или еще как-либо, тогда как для бригадира *Гудкова Степана Михайловича* по прозвищу *Сковородник* в рассказе задействованы все компоненты модели именования.

Своеобразную модификацию образы *Игнахи* и *Сельки* в более позднее советское время получают в повести «Плотницкие рассказы». Автор говорит о двух пожилых соседях, один из которых, пенсионер *Авенир Козонков*, в молодости тоже имел прямое отношение к раскулачиванию своих же односельчан.

Примечателен рассказ героя повести *Олэши Смолина* о случае из его детства: *Мы с Козонковым точные одногодки, всю дорогу варзали вместе. В деревне было нашего брата-малютка, что комарья, ну и Козонковы-братаны тоже крутились в этой компании. <...> Звали их **соплюнами**. У старшего, Петьки, бывало, сопля выедет до нижней губы. Ему лень вытереть, возьмет да и слизнет – как век не бывало. Вот, помню, кажись, на третий день пасхи вся наша орда высытала на Федуленкову горушку. У нас такая забава была – глиной фуркать. Прут ивовый вырежешь, слепишь птичку из глины и фуркаешь, у кого дальше. <...> А наш Виня взял да насадил на прут целую гогырю с полфунта весом, все надо было, чтобы лучше других, размахнулся да как даст. Прямо хенько в Федуленково окно и угодил. Стекло так и брызнуло, обе рамы прошиб. Мы все и обмерли. А после очнулись да бежать. В это время Федуленок сам не свой из избы выскочил, того и гляди, убьет кого. <...> Взгреб он меня лапщами, да и давай меня корезить, ну чисто медведь-шатун. Ничего не помню, помню только, что ревел, как недорезанный. Федуленок меня прикончил бы, как пить дать прикончил, не прибеги мой отец на выручку. Отец-то, видать, соху оставил в борозде, да и прибежал мою жизнь от смерти спасать. Федуленок от меня и отступился, а мне, думаешь, легче? От отца мне еще больше пошло. Кабы я стекло разбил – не обидно. А ведь как все получилось? Как Винька от Федулена выкрутился?*

Соплюн соплюном, а когда припекло, так соображение и появилось. Да еще и хвастает перед нами-то: я, мол, когда Федуленок на улицу выскочил, никуда не побежал, на месте стою, да приговариваю: «Вон оне побежали-то! Вон оне в поле побежали!» Ну, Федуленок и ринулся за нами всей своей массой да меня и настиг. А Виня хоть бы ему что – остался целым и невредимым. Оне оба с Петькой лежни были, ничего им не далось. Умели только дрова пилить, за ручки пилу дергать. Отец к делу их особо не приневоливал, да и сам, бывало, не переломится на работе. Все большие рассуждал да на печке зимой грелся, а летом не столько сено косил, сколько рыбу удил. Оне с моим отцом пришли с японской войны в один день. Мой тятка хромой пришел и весь в дырках, как решето, а Винькин отец целехонек [3, с. 140].

Винька и есть сосед Смолина – Авенир Павлович Козонков. Приехавший в деревню к себе в родовое гнездо Зорин пытается помирить стариков, помочь им забыть давнюю неприязнь. А ведь эти старики в молодости были по разные стороны добра и зла. Авенир с наганом по селу ходил своих же раскулачивать, осквернял храмы, отправлял людей сбрасывать колокол и теперь пишет жалобы начальству и обличительные статьи в районные газеты.

Олёша Смолин и Авенир Козонков все равно если и не друзья, то соседи-односельчане, которые нуждаются в духовной поддержке друг друга и общении, Смолин воплощает собой исконно русские черты характера, по мысли В.И. Белова, – всепрощение, незлобие.

На некоторые размышления наводит и наблюдение над выбором автором имен для главных героев «Плотницких рассказов». Имя *Авенир* является редким теперь, но в 30–40-е годы XX века оно было довольно распространённым. Имена соседей и своеобразных друзей образуют семантическую оппозицию на уровне текста. *Олёша* – диминутив, в котором отражается фонетическая особенность местного произношения; имя без претензий, традиционное для русского крестьянского именника (соотносимое в сознании народа с христианской традицией – «Алексей, человек божий»). Его носит простой плотник-работяга с золотыми руками и большим сердцем, он и родился «как Христос в телячьем хлеву под Рождество», и при всей сложности его взаимоотношений с официальной церковью этот человек – настоящий христианин, совершающий всей своей жизнью духовный подвиг. Имя *Авенир* имеет «чужое» для русской крестьянской традиции звучание.

«Отчужденность» имени *Авенир* в некотором отношении подтверждается словами журналиста и писателя Валерия Киселева (родом из Кумзеро, Харовский район, ныне живет в Нижнем Новгороде): «Имена часто давал священник, по своему усмотрению, а часто и по настроению. Как рассказывала мне бабушка, если родители ему чем-то не нравились, то такие имена давал, что и не выговорить. В Кумзере был батюшка (имя не помню), такие, например, имена давал: Акиндин (попросту – Киня), Варсонофий (Ворсуня), Сарапион (Сарапиха), Рафаил (Раха), Апполинарий (Полюха), Флавиан (Флаха), Сивирьян (Сивиря), Алфей, Африкан, Кенсарий. Иногда родители настаивали, чтобы имя было благозвучное. Моды на имена не

было. Авенир (Виря) – имя нередкое, у меня дядю так называли. Своего имени он очень стеснялся. Даже его невеста только на свадьбе от моего отца, его брата, услышала, что его зовут вовсе не Гена, а Авенир...» [13].

Персонажи, чьи имена являются личиной (маской) «бесов» («бесовской») природы их обладателя)

Есть персонажи, «бесовская» суть которых скрывается под различными личинами, масками. Ярким примером создания такой личины является авторский прием «странной» модели именования своего персонажа.

В романе «Кануны» есть эпизод, в котором описывается сход мужиков в избе Кеши Фотиева: *В толчее Кешиной избы, в горьком табачном дыму, в шуме и матюгах никто не заметил нового ветра, как никто не заметил и нового пришельца* [4, с. 452]. *Незнакомец, невзрачный пришелец* сначала держится в стороне ото всех, наблюдает и слушает, затем сам представляется мужикам: *Фамилия моя Смирнов. Зовут Фокич. Являюсь уполномоченным РИКа по коллективизации* (Там же, с. 453).

Мужики сбиты с толку и самим появлением *Фокича*, и его необычным именованием: *«Фокич, это вроде бы отчество? – произнес Киндя, обращаясь к Жучку. – А имя-то каково?» – «Имя у меня не больно веселое, я его и сам не люблю. Калистрат. Вам не привыкнуть». – «А пошто это, Калистрат Фокич, мы должны привыкать?»* (Там же).

С одной стороны, такому самопредставлению персонажа есть объяснение на бытовом (профанном) уровне: имя *Калистрат* дано было ребенку священником, самому обладателю оно не нравилось, да и для окружающих это имя странновато и сложно в произношении, поэтому и представляется герой по отчеству *Фокич* – как принято на селе (Петрович, Кузьмич и т.п.). Он хочет сразу показаться «своим». Но, с другой стороны, в компонентах модели именования этого персонажа автором заложен глубокий смысл, имя персонажа становится одним из ключей к разгадке всего художественного замысла.

Фокич – песонификация темных сил, и является он, как черт. Имя его лучше не называть, у дьявола много имен, за этими личинами он скрывает свою суть. *Фокич* скрывает за маской странноватого, невзрачного незнакомца свое истинное лицо. Личное имя *Калистрат* < *Каллистрат* – в переводе с др.-греч. *красивый воин*: калли «хороший, прекрасный» + стратос «войско, армия» [12, с. 203].

Не возникает никакого сомнения, чьево воинства этот воин. Дьявольская сущность *Фокича* проявляется в его действиях, поступках: *Позже во всех домах говорили, что уполномоченный выиграл так, что Зырин сперва заерзал на Кешиной лавке, потом вскочил и одним махом очистил место посредине избы, пошел плясать, а когда уполномоченный прошелся по гармонному гребню сперва сверху вниз, потом обратно снизу вверх, Ванюха Нечаев от восторга заматал головой и давай его обнимать, а Фокич, не останавливая игру, сам вышел на круг, и ноги у него такое выделявали, что все забыли и про колхоз, и про мировую революцию, и про шибановскую отсталость* [4, с. 454].

Он пытается соблазнить мужиков на вступление в колхоз, искушает их: берет гармошку, начинает играть, и все вокруг сразу расчистили место ему, потом он рассказывает им, что такое колхоз, какие будут льготы колхозникам, а Жучку объяснил, что всех, кто не вступит в колхоз, обложат таким налогом, что и не выдохнешь. И что это лишь самое малое и это точно, а что не точно, то, мол, сами скоро увидите [4, с. 454]. Он усыпляет бдительность крестьян рассказами о грядущей новой жизни. Мужики молчали, и вдруг все пошло записываться. Фокич добился того, что за два дня создал шесть колхозов.

Патроним *Фокич* соотносится с календарным именем *Фока*: Святой мученик *Фока* происходил из города Синопа, расположенного на южном берегу Черного моря. Имея небольшой сад, он жил скромно: продавал плоды и на вырученные средства содержал себя, помогал нуждающимся и оказывал гостеприимство странникам. Христианское благочестие святого оказывало воздействие на других людей. Даже язычники относились к нему с глубоким уважением. Нередко под его влиянием они оставляли свои заблуждения и принимали христианскую веру [11].

Фокич – перевертыш *Фоки*, бес ставит все с ног на голову, глумится над людьми: вот и мужики, словно нуждающиеся в просвещении язычники, были обращены новоиспеченным «проповедником» в «новую» веру.

Исчезает черт так же внезапно, как и появился: *Пришел на ночлег пьяный, без шапки. Попросил Куземкина с какой-нибудь попутной подводой отправить в сторону Ольховицы. Сказал, что вышлет документацию и все инструкции, да и сам в розвальни, словно приснился* [4, с. 471].

И если в романе «Кануны» *Фокич* кажется еще достаточно безобидным, то в следующей части трилогии *Фокич* появляется уже в более зловещем облике – сила бесовская крепнет, как было явлено во сне Никите Ивановичу Рогову. Речь идет о сцене ареста Ивана Рогова и выселении семейства Роговых из родного дома: «Уже *утро*, товарищ Скачков. – *Фокич* глядел на свои карманные. – А мы еще в двух деревнях не были». – «Да, да... – Скачков, казалось, был сонлив и рассеян. – Который час-то?» – «*Шестой*, товарищ Скачков! Надо ехать...» *Фокич* надел шапку [5, с. 134].

В этом фрагменте очень важным является упоминание о *шестом* часе. Эпиграфом к последнему роману трилогии служат слова из Евангелия от Иоанна: *Бе... час яко шестый... тогда предаде Его им, да распнётся... И неся Крест Свой, изыде Иисус на глаголемое лобное место, идеже пропяша Его* (Ин. 19, 74–18) [6, с. 381].

Писатель, следуя принципам критического реализма, использует в тексте трилогии множество прецедентных онимов реальных исторических лиц, но и эти имена вовлекаются в систему художественного переосмысления сквозь призму библейской или фольклорной традиций.

Так, уже в первом романе трилогии появляется фигура главного большевистского вождя *Иосифа Сталина*, который показан как тиран, позволивший осуществлять геноцид русской нации, прежде всего, миллионов русских крестьян. В субъектной организации произведения образ вождя народа подается, как

правило, с психологической точки зрения, о чем свидетельствует использование несобственно-прямой речи для характеристики этого персонажа: *Он был Давидом и Нижерадзе, Ивановичем и Кобой, был Чижиковым и Сталиным. И ни один из них не вызывал у него такого отвержения, как тот молящийся мальчик с грузинской фамилией. Старый Хашим, в чьих кувшинах они прятали типографские шрифты, сказал когда-то: «Ты рожден громом и молнией! У тебя великое сердце! Ты – афыр-хаца!»* [5, с. 10].

Любую историю мог «вышвырнуть из своей памяти» *Иосиф Джугашвили*, а эту, сорокалетней давности, никак не получается: *Опустив уже тогда тяжелье, словно у гоголевского Вяя, веки, старательно, с чувством молился и девятилетний мальчик-грузин, учащийся одного из духовных училищ на юге империи. Худой и маленький, этот мальчик, как большинство недоростков, имел привычку задирать при ходьбе голову, на молебне же он держал ее чуть наклоненной вперед. Он поминутно сглатывал копившийся комочек молитвенного восторга* (Там же).

Афыр-хаца в героическом эпосе народов Северного Кавказа – храбрый воин, мужественный среди мужественных (Там же, с. 602). Снова «воин», как и *Калистрат Фокич*, воин, который отрекся от Христа и своего изначального предназначения.

Многообразие личин, за которыми скрывается одна и та же страшная сущность, только подчеркивает неподвижность, можно даже сказать, некоторую монументальность образа И.В. Сталина. Вождя великой страны автор сравнивает с *усатым ямщиком*, выпускающим из своих рук вожжи и направляющим *гоголевскую тройку прямо в горнило новой гражданской войны* (Там же, с. 16).

В.И. Белов показывает Сталина в тот период жизни, когда страх в его душе достигает предела, он подозрителен и недоверчив к своему ближайшему окружению. И самое страшное, что вождь прекрасно понимает, насколько ненавидят русских те люди, которые находятся у руля компартии, люди, которым и сам Сталин обязан своим положением «отца народа», и поэтому он отдает им на откуп крестьян, позволяя запустить страшную реформу под названием «коллективизация».

Имена персонажей большевистского воинства

Большая часть *статичных* персонажей, не развивающихся духовно, представляет собой подсистему чужих. В числе многочисленных персонажей трилогии есть реальные вожди и члены компартии (*Жаганович, Бергавинов, Бухарин, Молотов* и др.), иногда они только упоминаются, иногда с ними связаны небольшие сюжетные ходы.

В несобственно-прямой речи Сталина упоминаются многие имена политической элиты той страшной эпохи: *Бухарин* дурак, он ничего не понимает в политике. <...> Да, он помогал избавиться от *Троцкого*, но вместе с *Крупской* спас его от расстрела и выпустил за границу. Он все еще думает, что существует какая-то партийная этика. Ему не приходится даже в голову, что сам-то *Троцкий* ни минуты не стал бы раздумывать. Что ж, *Бухарин*, пеняй теперь на себя! (Там же, с. 12).

Фамилии *Калинина* и *Ворошилова* упоминаются в трилогии в том числе и с целью показать, как крестьяне уважают своих вождей, верят в них и как вожди в конечном счете презирают крестьян, руководствуются своими личными интересами: *Особенно хотелось Даниле узнать про Василья-матроса... Может, этот выручит. Попросит он Ворошилова, напишет бумагу, и Ворошилов пачинское подворье от всех налогов освободит, и все права семейству воротят* [6, с. 534].

Почти все представители сатанинского большевистского воинства, которые в большом количестве упоминаются в трилогии, имеют имена и фамилии, чуждые русскому именованию: *Турло, Стацевич, Шацкий и Геронимус*, возглавляющие северные партийные газеты; *Яков Наумович Меерсон*; представители ОГПУ *Аустрин, Осипчик, Шейрон; Цейтлин и Кацнельсон*; уполномоченным ОГПУ по Вологодскому округу *Альтберг Сенкевич*; начальник строительства на Соловках *Нафталий Аронович Френкель* и еще многие-многие другие.

В собственно-авторском повествовании нагнетается атмосфера чуждости этих людей русской культуре, враждебности христианским православным ее основам.

Абсурдность и губительность политических решений, принимаемых на многочисленных партсобраниях, сравнивается с разгулом бесовских сил: *Так нарастало и крепло соревнование в левизне, так Верейкис, Голощекин и Косиор с Беленьким оказались правее Сталина и Рыскулова! Это поистине сатанинское превращение произошло в пятницу, 3 января нового, 1930 года, а 5 января (опять воскресенье!) родилось знаменитое решение ЦК «О темпах коллективизации». Бесы все больше и больше входили в раж. Через десять дней, 15 января, они учинили вторую яковлевскую комиссию – злоедейский синклит по разработке методов уничтожения и разорения* [5, с. 15].

С 1989 по 1992 г. В.И. Белов был депутатом, в 1990–1991 гг. – членом Верховного Совета СССР. В одном из своих интервью журналисту Леониду Парфенову В.И. Белов задал риторический вопрос: *Почему в русской Думе так мало русских?* [10].

История ничему не научила...

В очерке «Бесовская хитрость» («Вызов времени», 1999) В.И. Белов приводит сцену допроса вологодским чекистом отца *Николая Перовского* из своей трилогии, размышляя о ситуации в стране в 90-х: *Россию вновь подцепили на свою любимую удочку политические демагоги. Тут, мол, правые, тут левые. И что самое гнусное – мы сами с удовольствием клюнули на эту наживку. Сами разделились по этому принципу. ...В том-то и дело, что принцип фальшивый, иными словами, никакого нет принципа* [7, с. 189]. *Все началось с французских депутатов еще конца XVIII века. ...Изобретен был президиум. Дьявольский смысл деления на правых и левых стал еще очевидней. (В зале ты сидишь справа, а из президиума ты представляешься сидящим слева). ...Встаньте у зеркала и поднимите правую руку. В зеркале она окажется не правой, а левой»* (Там же, с. 190).

Название очерка говорит само за себя: фальшивые принципы, разделение людей на противоборствующие стороны. Бес снова глумится над людьми.

По мнению писателя, в политике нет ни правых, ни левых: *Есть государственники и антигосударственники. Есть патриоты, борющиеся за выживание России, и космополиты, желающие окончательно гибели русского государства. Все довольно просто...* [7, с. 189].

Выводы

Выбор имени для персонажа, построение модели именования на протяжении всего текста подчинены основной идейно-тематической оппозиции в творчестве В.И. Белова: сакральное и инфернальное пространство и время. Особая оценка, смысловая и стилистическая маркированность таких имен заложена в текст следующими приемами:

1. Внутритекстовая речевая актуализация сем доантропонимического компонента в лексическом значении имени: старец *Никита* – «победитель»; пенсионер *Кенсарин* < *Кенсорин* – «цензор».

2. Включение звукообраза имени, фамилии, прозвища в оппозиционный характер точек зрения на персонажа: *Сопроновы-соплюны* – сопливые; *Бессонов* – без сна, бес.

3. Подчеркнутая «статичность», полное отсутствие «развития» моделей именования «демонических» персонажей, «неразвитость» номинативной цепочки: *Бессонов* (ср. Степан Михайлович Гудков, Сквородников); *Игнаха Сопронов* (ср. Пашка Пачин > Павел Рогов).

4. Усиление антагонистичности характера персонажей посредством их имен: *Олеша* (традиционная форма имени) – *Авенир* («отчужденность» имени).

5. «Странность», нестандартность модели именования персонажа: *Фамилия моя Смирнов. Зовут Фокич*.

6. Сокрытость истинного имени: *Фокич* < *Калистрат; Коба, Сталин, Чижиков* и т.д. < *Иосиф Джугашвили*.

7. Противопоставление фамилий персонажей «своих» и «чужих», то есть коренных жителей вологодских деревень, тружеников (*Роговы, Мироновы*) и представителей новой власти, идейных и жестоких исполнителей приказов сверху (*Меерсон, Стацевич*).

Литература

- Белов, В. И. Во саду при долине / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 468–487.
- Белов, В. И. Скакал казак / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 399–418.
- Белов, В. И. Плотничьи рассказы / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 129–190.
- Белов, В. И. Кануны / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 3. Повесть. Роман. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 97–477.
- Белов, В. И. Год великого перелома / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 4. Романы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 7–378.

6. Белов, В. И. Час шестый / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 4. Романы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 381–601.
7. Белов, В. И. Вызов времени / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. Том 7. Статьи. Очерки. Воспоминания. Рецензии. Письма. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 5–348.
8. Захарова, Н. П. Положительный герой рассказов В. И. Белова / Н. П. Захарова // Беловский сборник / Администрация города Вологды ; Вологодский государственный университет ; Вологодская областная универсальная библиотека. – Вологда : Легия, 2016. – Вып. 1. – С. 38–44.
9. Оборнева, О. В. Культура и текст как среда обитания и источник поэтики онимов / О. В. Оборнева // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции : в 2 томах. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – Т. 2. – С. 256–263.
10. Парфенов, Л. Портрет на фоне: Василий Белов / Леонид Парфенов, 1992. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6x7AJYfSKTU> (дата обращения: 6.01.2023). – Текст : аудио.
11. Русская Православная Церковь : официальный сайт Московского Патриархата. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/913848.html> (дата обращения: 6.01.2023). – Текст : электронный.
12. Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – Москва : АСТ, 1998. – 528 с.
13. Трикоз, Э. Л. Фрагмент беседы Э. Л. Трикоз с журналистом Валерием Киселевым от 30.01.2023 предоставлен лично Э. Л. Трикоз (научным сотрудником музея-квартиры В.И. Белова в г. Вологде).
14. Яцкевич, Л. Г. Крестьянская смеховая культура в произведениях В. И. Белова / Л. Г. Яцкевич // Беловский сборник / Союз писателей России ; Администрация города Вологды ; Вологодский государственный университет. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2017. – Вып. 3. – С. 142–153.

N.V. Komleva

**SACRED AND INFERNAL MEANINGS IN THE POETICS OF PROPER NOUNS:
BASED ON THE WORKS OF V.I. BELOV**

The creative laboratory of V. I. Belov is a unique onomastic text, which is created by poetonyms. They allow the writer to embody the concept of the artistic reality he creates, to state his ideological, political, spiritual and moral principles. The techniques that the writer uses when creating the names of his characters and updating the internal form of the proper name serve to explication the main ideological and thematic opposition of his works: contradistinction not only of sacred and infernal space and time, but also sacra and inferno in the manifestation of the spiritual essence of man.

V.I. Belov, name in the text, onomastic text, the image of the sacred and infernal principles in poetics of nouns.